

Дмитрий Колодан

Сбой системы

Дмитрий Колодан

Сбой системы

«Автор»

2008

Колодан Д. Г.

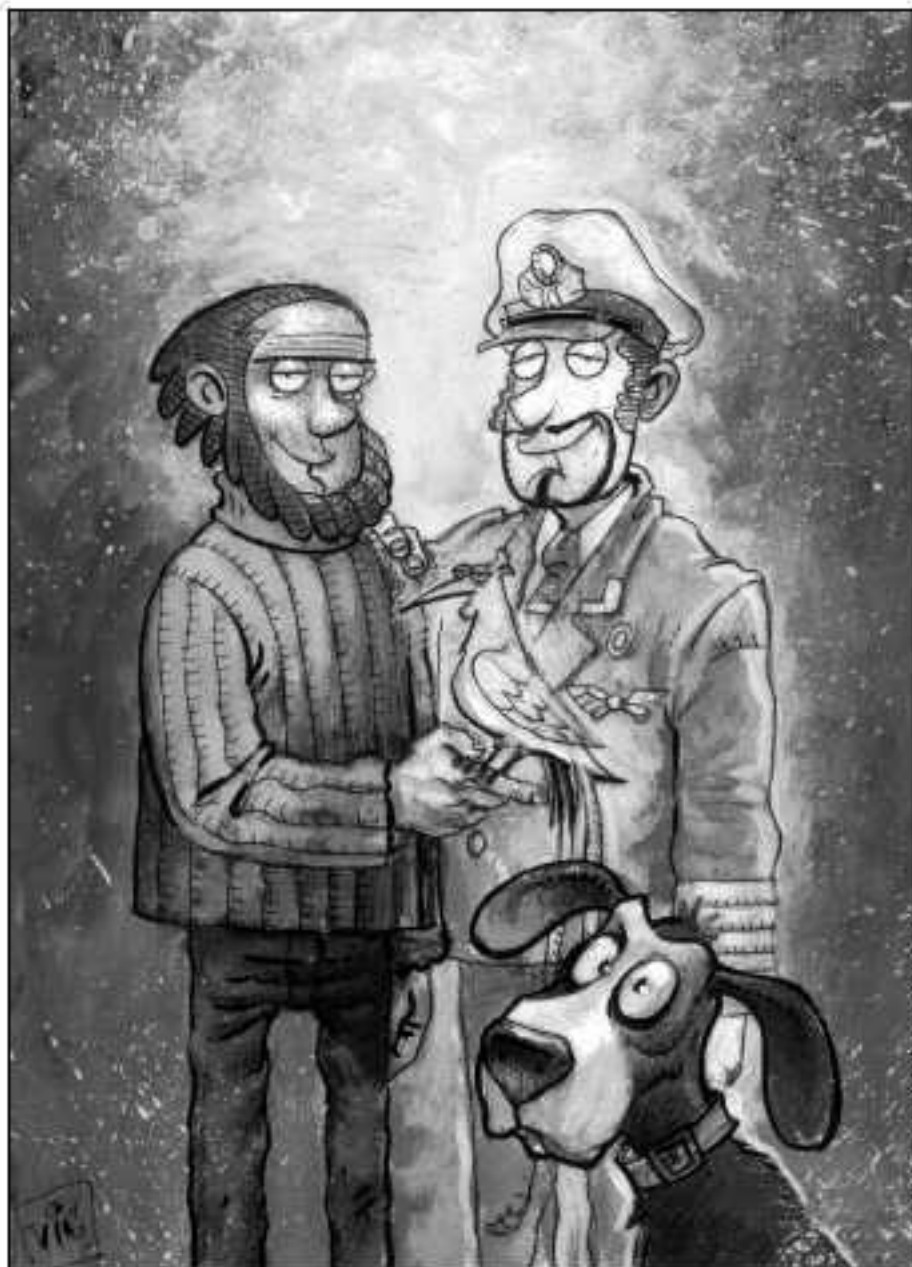
Сбой системы / Д. Г. Колодан — «Автор», 2008

Как удачно сфотографировать привидение? Для этого надо понять причины, его порождающие.

© Колодан Д. Г., 2008

© Автор, 2008

Дмитрий Колодан Сбой системы

Тут дело в волшебстве, – сказал Сандерс. Он щелкнул кольцом пивной банки и отпрянул, когда сквозь щель, шипя, поползли хлопья пены. – Вот дрянь... После Мелвин не мог сказать, когда началась эта история – в тот субботний вечер в конце августа или тридцать лет назад. А может, и сто. При желании можно найти еще с десяток отправных точек, но Мелвин склонялся к тому, что завертелась она после таинственных слов Сандерса. С чего он тогда заговорил о волшебстве, так и осталось загадкой. Они сидели за столиком уличного кафе на центральной площади Порт-Корвета и пили пиво, приходя в себя после озвучки «Суперкротов». Местное пиво оказалось самым действенным средством успокоить расшатанные нервы.

Заставить пластилиновых кукол говорить не легче, чем их сделать или научить двигаться. Полдня работы, три минуты экранного времени, и Мелвин чувствовал себя выжатым досуха, словно его пропустили сквозь пресс для глажки белья. Реплики Полковника Блюма и Леди Сью намертво отпечатались в соответствующих долях мозга. Полбанки назад Мелвин не сомневался: стоит кому-нибудь поблизости сказать: «Мне кажется, я слышу подозрительный шорох...» или «Осторожно, картошка!», – и все обернется катастрофой.

Погода в тот вечер выдалась прекрасная, на небе ни облачка. Солнце катилось к закату; небо за плоскими крышами муниципалитета и почтового управления отливало густыми оттенками лилового и синего и поблескивало, словно глянцевая бумага. Краски неряшливо стекали к горизонту, будто над головой расплескали акварель. Как помнил Мелвин, подобные выходы характерны для стиля Джеймса Уистлера. Только импрессионизм природы выглядел трогательнее любой из работ художника и настраивал на спокойный, если не сказать – умиротворяющий лад. Капуста, собака Мелвина, должно быть, чувствовала это и тихо посапывала под столиком.

Несмотря на погоду и пиво, настроение у Мелвина было совсем не безоблачным. Причиной была Диана. Конечно, сегодняшняя озвучка не закончилась скандалом, но это значит – его приберегли на ночь. Повод найдется, но суть оставалась неизменной: «Когда мы уберемся с этого проклятого Острова?»

Как ни крути, к жизни вдали от цивилизации Диана была не приспособлена. Дитя большого города, или как она сама говорила – *homo urbanus*. Ее бесили дома ниже пяти этажей и неоправданно огромные лужайки – словом, все, чего на Острове хватало с избытком. Эскимос на Гавайях, и тот чувствовал бы себя комфортнее. И если с парой недель на побережье она еще могла смириться, то три месяца на Острове оказались для Ди слишком тяжелым испытанием.

Как полагал Мелвин, причиной было чувство времени. Внутренние часы Дианы спешили даже на материке, на Острове же они летели. По скромным подсчетам – умчались вперед на неделю, хотя Диана старалась не торопиться и терпеливо дожидалась, пока остальной мир соизволит ее догнать. Мир прилежно ее игнорировал и торопиться не собирался. Не в силах ни совладать, ни смириться с подобной несправедливостью, Диана злилась, а доставалось, естественно, Мелвину.

Конечно, умом он понимал и даже принимал ее доводы. Но на другой чаше весов очутились «Суперкроты», а чтобы их доделать, нужен Сандерс. Без него Полковнику Блюму лучше и рта не раскрывать. Сандерс же наотрез отказывался вылезать из своей провинциальной берлоги. От всего этого у Мелвина голова шла кругом – хуже, чем у Полковника Блюма, когда того вместе с Леди Сью схватили корнеплоды-мутанты. Только в отличие от бесстрашного крота у Мелвина не было в запасе *блестящего секретного плана*.

Говоря по правде, Сандерса нашла Диана. Мелвин понятия не имел, где она откопала две кассеты второсортных вестернов, в которых тот снимался. Оба фильма никуда не годились, они и поставили крест на актерской карьере бесстрашного шерифа. Но Мелвин просмотрел их с раскрытым ртом.

На пилотной короткометражке «Суперкротов» Мелвин сам озвучивал Полковника Блюма. Хрипел и пыжился выдать что-то, похожее на голос старого вояки... Дохрипелся до сорванного горла и ехидной критики. Потом – долгие поиски актера, который мог бы по-настоящему оживить пластилиновую куклу и чьи запросы совпадали бы с возможностями Мелвина. Поиски абсолютно безуспешные – до тех пор пока Ди не принесла те две кассеты.

Хриплый голос Сандерса, с едва уловимым акцентом, подошел Полковнику Блюму столь же идеально, как мягкое сопрано Дианы – Леди Сью. Раз услышав, Мелвин уже не мог представить на его месте другого.

К счастью, Сандерс сразу согласился. Он был рад вернуться на экран, пусть и в образе крота в шляпе и с сигарой в зубах. Тем более, Сандерс давно нигде не работал, жил на пособие, и те небольшие деньги, которые мог предложить Мелвин, оказались для него неплохим

подспорьем. Сандерс выдвинул лишь одно условие – работать он будет на Острове, о поездке на материк и речи быть не может.

Сперва эта идея понравилась даже Диане. «Настоящий отпуск на море, – сказала она и добавила голосом Леди Сью: – Море – это такая большая и мокрая штука...» Кто ж знал, чем все обернется?

В итоге в тот вечер Мелвин был настолько поглощен своими мыслями, что не обратил внимания на слова Сандерса. Потому и растерялся, когда тот продолжил:

– Например, собаки его чувствуют, – Сандерс облизал измазанные пеной пальцы. – Да что собаки – любые животные. Кошки, лошади, кроты вон твои... Даже улитки... хотя заметить сложно.

– А? Что чувствуют?

– Волшебство, – повторил Сандерс. – Потусторонние силы.

Он прищурившись посмотрел на Мелвина из-под полей соломенного стетсона. Тонкие прутья лохматились по краям шляпы и торчали в разные стороны, расчертив морщинистое лицо тенями, точно поле для игры в крестики-нолики. Раньше Сандерс работал на лесопилке «Океан-Вест». С тех времен в его бороде запуталось столько опилок, что он до сих пор от них не избавился.

– Правда? – сказал Мелвин, мысленно продолжая спорить с Дианой. – А почему?

Сандерс усмехнулся. Крякнув, откинулся на спинку стула. Ему стоило быть осторожнее: красный пластик громко закрипел, прогнувшись под его весом. Дешевые стулья уличных кафе не рассчитаны на людей комплекции Сандерса.

Прежде чем ответить, он сделал большой глоток из банки.

– Есть у меня одна теория, – сказал он. – Почти научная. Волшебство – это нарушение правильного порядка вещей, сбой в системе. Я прав?

Мелвин пожал плечами. Он не был специалистом по чудесам и странным явлениям, так что Сандерс мог и не спрашивать. Если действительно важно его мнение... Единственное настоящее волшебство, с которым Мелвин сталкивался, пряталось в брусках моделина. Оживить пластилиновых героев совсем не просто – каждый кадр требовал ручной работы, постоянного контакта с куклами. Долгий, изматывающий труд, а испортить можно одним неверным движением пальцев. Но в результате герои начинали говорить и двигаться, жить жизнью, полной чудес и приключений. Волшебство ведь? А о нарушении «правильного порядка вещей» и речи не шло.

Мелвин взял салфетку и сложил пополам, намечая будущие складки. Полезная штука – origami: тренирует пальцы и помогает освободить голову. Да и интересно поработать с новым материалом, раз под рукой нет моделина. Сандерс продолжил:

– Затем в ход вступает экология. Каждое животное идеально приспособлено именно к той среде, в которой обитает. Жираф нипочем не выживет на полюсе. Догадываешься, почему?

Хотя ответ был очевиден, Мелвин выдвинул свою версию:

– Никто не вяжет таких длинных шарфов?

– Что-то вроде, – согласился Сандерс. – Животные – естественная часть системы. Они чутко реагируют на любые ее изменения. Это залог выживания.

Мелвин понимающе кивнул. Года два назад на Остров повадились ездить «зеленые» анархисты – устраивали пикники, совмещая их с акциями протеста на лесопилке. Требовали полного запрета на вырубку, защищая гнездовья реликтовой неясыти, до сих пор известной лишь узкому кругу специалистов. Акции активно освещали все телеканалы; даже проживая на материке, Мелвин о них слышал. На Острове до сих пор в любой сувенирной лавке можно купить поделки в виде сов или футболку с истеричным лозунгом. Потом выяснилось, что мероприятия спонсировались корпорацией, занимавшейся производством пластиковой мебели.

Скандал замяли, но с тех пор «зеленых» как ветром сдуло. Видимо, от этих «защитников» природы Сандерс нахватался познаний в экологии.

– Старый корабль, – сказал Сандерс, – есть идеальный пример функционирования подобной системы. Естественный отбор: корабельные крысы, которые не научились по крошечной течи определять, что судно скоро утонет, ушли на дно. Волшебство – явление того же порядка, только течь здесь не в трюме, а в самой структуре мироздания. Животные ее чувствуют и боятся.

Он одним глотком допил пиво, смял пустую банку и подвел итог:

– Если хочешь заметить волшебство, внимательно следи за своей собакой. Может пригодиться.

Мелвин невольно опустил взгляд. Капуста дремала, из чего, вероятно, следовало, что поблизости волшебством и не пахло.

Речь Сандерса его озадачила. К работе над «Суперкротами» она точно не имела отношения. Последнее предложение и вовсе прозвучало зловещим предупреждением, достойным старухи-ведьмы, а не крепкого шестидесятилетнего мужчины с кулачищами размером с голову ребенка.

Мелвин хотел спросить, что значат таинственные слова, но Капуста неожиданно вскочила и зарычала. Вид у нее стал до безобразия грозный – насколько допустимо это слово применительно к биглю.

Мелвин невольно вздрогнул, огляделся. Не сказать, чтобы он думал увидеть обещанное волшебство, однако нотка сомнения в устройстве мира промелькнула.

Истинная причина беспокойства собаки скоро выяснилась. С боковой улицы на площадь вырулил почтальон. Старый велосипед с паяной рамой дребезжал, словно разваливался на части. То же можно было сказать о самом почтальоне, длинном и нескладном, будто кузнечик. Мелвину показалось, он слышит, как скрипят суставы, когда почтальон налегает на педали. В общем, шуму хватает: привяжи к багажнику велосипеда хвост из консервных банок, громче бы не стало.

Волшебство волшебством, а почтальона любая собака чует за версту. Видимо, доставка газет и писем тоже влияет на порядок в системе мироздания. Капуста не была исключением. Собака вскочила и зашлась в пронзительном лае. Мелвин по морде видел: пес готов броситься вслед велосипеду.

– Сидеть, – приказал Мелвин. Собака сделала вид, что не расслышала.

Почтальон оглянулся. Мигом оценив ситуацию, он прибавил скорости, стремясь быстрее добраться до укрытия почтового управления. Бедолага не первый год развозил по городу письма – достаточный срок, чтобы выработались соответствующие рефлексy.

Капуста мгновенно среагировала и рванулась вслед за ускользящей добычей. Грозное «Место!» потонуло в радостном лае. И ничего не попишешь: бигль – охотничья порода. Мелвин бросился следом, прекрасно понимая: нет ни малейшего шанса догнать пса. Как и у почтальона нет шансов скрыться. Но что-то надо делать!

Капуста догнала почтальона, когда до спасительной двери оставались считанные метры. Первая атака провалилась: зубы клацнули в миллиметре от лодыжки бедолагy, подстегнув того, будто удар током. Чтобы уйти от столкновения, почтальон вывернул руль, одновременно пытаясь пнуть собаку ногой. Трюк, достойный лучших велоакробатов. Жаль, не удался.

На лице почтальона отразилось изумление, глаза распахнулись столь широко, что позавидовала бы любая сова. В то же мгновение велосипед с лязгом рухнул на асфальт, увлекая за собой незадачливого наездника. Капусте того и надо было. В лае зазвучали торжествующие нотки – оставалось нанести финальный удар.

К счастью, Мелвин подоспел вовремя. Схватив за ошейник, он оттащил собаку от поверженной жертвы. Капусту совсем не устраивала сорвавшаяся охота, но Мелвину удалось ее утихомирить.

Не веря в спасение, почтальон продолжал лежать, жадно глотая воздух и устремив взор в темнеющую синь неба. На всякий случай Мелвин уточнил:

– Вы в порядке?

– А? – почтальон перевел взгляд на Мелвина и растерянно моргнул, не понимая, откуда тот появился. – На меня...

– Вы извините, – поспешил сказать Мелвин, пока дело не приняло неприятный оборот. – Она не хотела вас пугать, но звук велосипеда... раздражающе действует на животных. Она очень добрая и умная собака. В жизни не укусит человека...

У Капусты на этот счет имелось другое мнение, которое она не поленилась высказать громким лаем. Почтальон аж подпрыгнул и на карачках отполз подальше. Уже с безопасного расстояния он сказал:

– Возмутительно! По закону таких собак положено держать на привязи, а она даже без намордника... Я буду писать жалобу! Ее обязаны изолировать.

– Еще раз извините. Она не хотела. Правда? – Виновато улыбаясь, Мелвин дернул за ошейник. Капуста хрипло тявкнула: можно принять за извинения.

Почтальон кряхтя поднялся на ноги. На штанине осталось темно-зеленое пятно от сырой травы; он плюнул на ладонь, попытался его оттереть и испачкал руку. Косясь на собаку, почтальон поднял велосипед.

– Вот, – заметил он с мрачным удовлетворением. – Теперь еще и «восьмерка»... Придется новое колесо покупать.

Он так выразительно посмотрел на Мелвина, что дальнейших намеков не потребовалось.

– Если я могу компенсировать, – порывшись в кармане, Мелвин достал мятую банкноту. Почтальон быстро огляделся и выхватил деньги. Лицо его разом смягчилось.

– Вы все-таки следите за своей собакой, – сказал он. – А то, неровен час, укусит кого. Знаете – неприятное ощущение...

Он снова огляделся. Взгляд остановился на уличном кафе. Почтальон прищурился.

– Эй! Это не Гектор Сандерс там сидит?

– Он самый, – кивнул Мелвин.

– Как удачно, – сказал почтальон. – А у меня тут для него *корреспонденция*.

Последнее слово он произнес с придыханием. Как всякий, влюбленный в свою работу, к ее составляющим он относился с благоговением. Так же Мелвин иногда воспринимал моделин. Возможно, здесь кроются истоки извечной вражды между почтальонами и собаками.

Для почтальона щенок, несущий газету своему хозяину, равносителен глубочайшему оскорблению.

– Корреспонденция для Сандерса? – переспросил Мелвин. – Так я могу передать, мы сидим вместе...

Почтальон обдумал предложение, косясь на Капусту. Собака успокоилась и с нескрываемым интересом изучала поведение пары черно-желтых божьих коровок на ближайшей травинке.

– Ну ладно, – сдался почтальон. – Точно донесете?

Мелвин прикинул расстояние. До столика – от силы два десятка метров.

– Наверняка, – пообещал он. Сандерс высоко поднял пивную банку – то ли приветствуя почтальона, то ли торопя Мелвина вернуться.

Почтальон достал из сумки журнал в целлофановой обертке и пару открыток. Сверился с адресом и протянул Мелвину. Чувствуя, как Капуста насторожилась, тот поспешил забрать корреспонденцию.

– Всего хорошего, – и прежде чем собака успела выкинуть очередной фортель, Мелвин быстрым шагом направился к столику, держа Капусту за ошейник.

– Ловко вы его, – сказал Сандерс. – Давненько не видел, чтобы Годвин так прыгал. Ему полезно – пусть разомнет кости, ведь постоянно жалуется: то колени у него ломит, то руки...

– Это тебе, – сказал Мелвин, протягивая Сандерсу журнал и открытки. Почтальон забрался на велосипед. Мелвин покрепче сжал ошейник и не отпускал, пока почтальон не скрылся в здании управления. Капуста жалостливо косилась на хозяина, даже не пытаясь понять, за что ее лишают столь замечательного развлечения. В любом кинологическом справочнике можно прочесть о веселом и жизнерадостном нраве биглей. Но нигде нет и слова о крайне специфическом чувстве юмора.

Не взглянув на журнал, Сандерс вцепился в открытки. Лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Ух ты! От Руперта, – вскричал он, взмахнув открытками перед носом Мелвина. – Из Брюсселя и Пекина. Смешно, что они пришли вместе?

Мелвин пожал плечами.

– Наверное. А кто такой Руперт?

– Неужели я тебе не рассказывал? – изумился Сандерс. – Моя кровь и гордость. Сын. Он у меня пилот, летает по всему свету. И где ни приземлится, всегда сфотографируется на фоне местной достопримечательности и пришлет мне. Ну, чтобы я тоже мир посмотрел... Глянь.

Он протянул одну карточку Мелвину. На фоне ярко-красной пагоды стоял молодой человек в форме гражданской авиации, как две капли воды похожий на шерифа из ранних вестернов Сандерса. Взглянув на брюссельскую открытку, Мелвин мрачно подметил, что с достопримечательностью он не ошибся.

Сандерс прочитал весточки от сына. Но если на первой он фыркал и усмехался, то вторая разом смыла веселье. Щека дернулась. Сандерс одним глотком осушил банку, смял в кулаке и швырнул в сторону мусорного бака. Не попал, и та, звякнув, покатила по асфальту. Капуста печально проводила банку взглядом.

– Что-то случилось? – всполошился Мелвин.

– Он не приедет, – сказал Сандерс. – Через две недели он должен быть в Париже. Летный график и прочая ерунда. Вот дрянь...

– Э... А что будет через две недели?

– Праздник Воздушных Змеев, – напомнил Сандерс. – Руперт каждый год приезжает... Приезжал.

Его лицо осунулось, морщинки в уголках глаз стали темнее и глубже.

– Ну, может, у него еще сложится? – постарался утешить его Мелвин. – Есть еще две недели. Аграфики постоянно меняются...

– Руперт очень ответственный. Раз сказал, что не сможет приехать, значит не приедет. И ничего с этим не поделаешь. Я рассказывал, что он три года подряд брал первый приз?

Мелвин покачал головой. Он о существовании Руперта слышал впервые, куда уж знать о его достижениях?

Праздник Воздушных Змеев был главной достопримечательностью Острова. В некоторых путеводителях его ставили в один ряд с Томати-ной, Конфетной Битвой и прочими подобными мероприятиями. День, когда никому не известный городок становится центром мира. Подготовка к празднику шла полным ходом. На пляже собрали трибуны, а Мелвин не раз видел, как дети и взрослые пускают на задних дворах воздушных змеев самых невероятных конструкций. В окне дома, который они снимали с Дианой, каждое утро парил розовый бегемот. Что, кстати, сильно нервировало Ди: ладно бы бегемот только подглядывал, так он еще и ухмылялся во всю огромную пасть.

Журнал, который Мелвин принес вместе с открытками, остался лежать посреди стола. Сандерс словно забыл о его существовании, в который раз перечитывая послание от сына. Мелвин взглянул на обложку: «Мистерио: Невероятное рядом!» На фотографии красовалось светящееся зеленое пятно, по форме отдаленно напоминающее человека. И, дабы у читателей не осталось сомнений, что ждет на страницах, крупный заголовок: «Хит-парад знаменитых привидений! Десятка лучших призраков со всего света!» Обычно читателями подобной макулатуры оказывались старые девы в очках на пол-лица да инфантильные барышни-вегетарианки. Но Сандерс?..

– Интересуетесь призраками? – спросил Мелвин, не из любопытства, а чтобы отвлечь Сандерса от печальных мыслей. Сам он в существование привидений не верил. Давно на собственном опыте убедился: обычно все проще и банальнее.

– А? – встрепенулся Сандерс и перевел взгляд на журнал. – Ты про это! Так сказать, стараюсь быть в курсе.

– Я видел одно привидение, – сказал Мелвин. – Еще в колледже. Проснулся посреди ночи от стука в окно, а там человек летит, весь из себя зеленый и светящийся. И не обычный человек, а сам Уолт Дисней! Потом оказалось: соседи сверху забавлялись. Вымазали восковую фигуру флуоресцентной краской и спустили на веревке... Вроде посвящения в аниматоры.

– Я видел целую стаю привидений, – хмыкнул Сандерс. – И настоящих. Я до сих пор их периодически вижу.

Мелвин решил, что лучше промолчать. Сандерс сорвал целлофановую обертку и бегло просмотрел журнал.

– Сейчас «Мистерио» испортился, – сказал он. – Раньше здесь печатали настоящие истории, а сейчас... Только деньги гребут.

Он показал Мелвину большую рекламу травяного чая.

– За что, спрашивается, я плачу? Чтобы знать, каких травок они намешали, чтобы получилась эта гадость? Я ее в жизни в рот не брал и не собираюсь!

– Как ни странно, кто-то заплатил денег, чтобы ты это знал. Такой вот парадокс.

– Бред, а не парадокс, – буркнул Сандерс. – Как если б к тебе заявился коммивояжер и дал денег, чтобы ты послушал его белиберду про патентованные открывалки. А так ты заплатил ему – за то, что слушаешь.

– Все достанется соседу, который этого парня ко мне спровадил, – сказал Мелвин. – Но в целом, да, похоже.

– Я и говорю – бред.

Сандерс перевернул пару страниц, рассматривая смазанные фотографии и таинственные блок-схемы.

Мелвин взял за уголок недоделанную фигурку-оригами. Сейчас она больше напоминала лягушку, повстречавшую дорожный каток. Мелвин решил переделать ее в утку – но кто знает, куда заведут дальнейшие переплетения сгибов и складок?

– Или еще... Конкурс! – не в силах сдержать возмущение, Сандерс швырнул журнал на столик. – Ну как это называется?

– Привлечение новых читателей? – предложил Мелвин. Три сгиба – и лягушка стала похожа на ящерицу. Темпы эволюции салфетки воодушевляли, хотя от эффекта «дорожного катка» избавиться пока не удавалось.

– Лишь бы побольше денег захватить! Сфотографируй привидение и выиграй поездку в Париж! Они думают, настоящие исследователи будут ловить призраков ради поездки в Париж!

– Кто-нибудь да найдется, – пожал плечами Мелвин.

– Найдутся дилетанты и шарлатаны, – хмуро ответил Сандерс.

– Так вы сами поучаствуйте, – предложил Мелвин, в надежде закрыть эту тему. – Вы же не дилетант и не шарлатан?

Он заговорщицки подмигнул Сандерсу. Тот наградил его взглядом, полным такого сочувствия к его умственным способностям, что Мелвин растерялся.

– Э... Сфотографируйте ту стаю привидений, которую, говорите, вы видели.

– Ради поездки в Париж?

– Почему... Ради науки. Сразу поставите на место шарлатанов. К тому же Париж – красивый город. А если постараться, может, встретите своего Руперта в аэропорту Де Голля. Представляете, какой будет сюрприз?

Сандерс молча посмотрел на Мелвина. Затем взял журнал – осторожно, словно боялся, что тот вспыхнет у него в руке – и перечитал заметку про конкурс.

Мелвин отложил злополучное оригами. Фигурка, честно сказать, получилась не ахти. Уткой ее мог назвать только человек с очень богатым воображением. Все-таки отношения с бумагой у Мелвина не складывались. Не пластилин – здесь нет и капли ощущения органической материи под пальцами.

– И что это? – нахмурился Сандерс, обратив внимание на творение Мелвина.

Под взглядом Сандерса Мелвину захотелось поскорее скомкать птицу и выбросить в урну.

– Райская птица. Вообще-то, изначально я думал, это будет утка... Но не получилось.

– Райская птица, – повторил Сандерс, не спуская глаз с фигурки.

– Ну, если присмотреться... – начал Мелвин. Сандерс перебил его взмахом руки.

– Это знак!

Не утруждая себя объяснениями, он встал и зашагал вниз по улице.

* * *

О глупейшей идее поохотиться на призраков Мелвин пожалел через день, когда Сандерс не пришел на озвучку. Что странно само по себе – прежде тот не задерживался больше чем на пять минут. Однако минуло полтора часа против назначенного времени, а от Сандерса ни слуху ни духу.

До сих пор опоздания были прерогативой Дианы. И она преуспела на этом поприще: даже на Острове, когда до импровизированной студии нужно было пройти несколько метров по коридору, Ди никогда не приходила вовремя. Как это сочеталось с ее «внутренними часами», которые вечно спешили, Мелвин не представлял. Временной поток Дианы не подчинялся известным законам физики. Попади она в руки ученым, это повлекло бы существенные переработки теории относительности. К счастью, до сих пор Ди удачно избегала цепких лап научного сообщества.

К чести сказать, Ди хоть и постоянно опаздывала, делала это красиво. Ей и в голову не приходило извиняться или сочинять оправдания. Нет, Диана возникала, светясь уверенностью. Еще ни разу Мелвин не видел ее запыхавшейся или растрепанной. Едва успев появиться, она развивала столь бурную деятельность, что нужно было сильно постараться, чтобы угнаться за ней. И, как всякий человек, начисто лишенный пунктуальности, Диана терпеть не могла ждать.

Она напоминала тигра, запертого в клетке, перед которым отара овец устроила воскресный пикник. Диана носилась от стены к стене, литрами поглощала вязкий кофе, косилась на часы и по пути роняла стулья, микрофоны и стойки. Впрочем, разрушения были делом обычным. Избыток нерастратченной энергии не способствует аккуратности, а энергии у Дианы было предостаточно – мало того, что рыжая, так еще и наполовину мексиканка. Про себя Мелвин давно записал Ди в разряд стихийных бедствий и смирился.

Сейчас на девушке была фирменная футболка «Суперкротов», на которой над улыбающейся мордочкой Леди Сью маркером было выведено: «Терпеть не могу». Надпись появилась

вчера вечером и, следуя логике Дианы, должна служить немым укором Мелвину. Хитрый способ оставить за собой последнее слово в любом споре.

– Ты ему звонил? – в который раз спросила Ди.

– Ага, – отозвался Мелвин. – Минут десять назад. Никто не берет трубку.

– Позвони еще раз, – она глотнула кофе и уставилась в полупустую чашку. – Твой Остров сведет меня с ума... Ни на кого нельзя положиться!

– До сих пор он не опаздывал, – напомнил Мелвин. – Может, пока запишем твою дорожку? А сводить будем, когда придет Сандерс?

– Ты и так меняводишь. С ума. Ты и твои землеройки! – она всплеснула руками. По стене поползла дорожка кофе, но Ди не заметила. – В который раз объясняю – я *не могу* так работать. Разговаривать с тем, кого нет... Это называется шизофрения. Воображаемые друзья и все такое.

– А еще актриса, – буркнул Мелвин.

– Ха! Не нравится – ищи другую! – зацепившись ногой за провод, Ди чуть не сбросила со стола ноутбук. Чудом Мелвин успел подхватить его в последний момент. По странному стечению обстоятельств на экране компьютера Леди Сю, точно так же зацепившись за провод, выключила Адскую Машину.

Создавая Леди Сю, Мелвин изначально имел в виду Диану, копировал ее привычки и выходки. И хотя саму роль сыграла пластилиновая кукла, никто другой не смог бы озвучить ее. Мелвин зависел от Дианы так же, как от Сандерса. Ди это прекрасно понимала и пользовалась на всю катушку. Скрестив руки на груди, она с вызовом посмотрела на Мелвина.

– Да ладно, не злись, – примиряюще сказал Мелвин. – Подождем еще минут пятнадцать...

– Ты это уже говорил. Час назад. Что изменилось?

Мелвин глубоко вздохнул. Ставить в укор ее опоздания бессмысленно. *Сейчас* же она на месте?

– Ты знала, что у Сандерса есть сын? – спросил он, чтобы отвлечь Диану.

– Руперт-то? Ага. Он очень им гордится. Карточку показывал – симпатичный молодой человек. Пилот на международных линиях.

Мелвин не удивился, что Диана знает о Сандерсе куда больше, чем он. Небось в первый день на Острове выпытала все тайны и секреты. Женское любопытство – зверь страшный: вовремя не покормишь – сожрет с потрохами.

– Руперт прислал вчера открытку, написал, что не сможет приехать на праздник Воздушных Змеев. Сандерс очень расстроился.

– Из этого следует, что ему можно опаздывать?

– Возможно, – пожал плечами Мелвин.

– Значит, в следующий раз, когда у меня будет плохое настроение, я тоже могу наплевать на работу?

– Не передергивай. Ты прекрасно поняла, о чем я.

Дверь приоткрылась. Но вместо Сандерса на пороге появилась Капуста, с видом растрепанного и заспанного. Прошествовав в середину комнаты, собака плюхнулась на живот. Диана не замедлила споткнуться, вскрикнула и замахала руками, чтобы удержать равновесие. Привыкшая к подобным казусам Капуста лишь широко зевнула.

– Ты-то откуда взялась?! – вспылила Диана.

Капуста смерила ее усталым взглядом и отвернулась. Сообразив, что от собаки она не добьется и капли понимания, Диана обратила гнев на Мелвина.

– Запомни, – сказала она, грозя пальцем. – Твои попытки строить из себя нового Ника Парка сведут меня в могилу! Ты еще помянешь мои слова, когда понесешь цветы на кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.